

МУЗЕЙ ТИШИНЫ

ВХОД СВОБОДНЫЙ

Т
И
А
Н
Ч
А

Р
И
Д
А
К

Тианна Ридак

Музей тишины

<https://litres.ru/74003618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Представьте место, где нет ничего: ни картин, ни скульптур, ни музыки. Только тишина, которая обволакивает, как вода, и вы сами становитесь единственным экспонатом.

Ева создала такой музей в заброшенной библиотеке, когда звуки внешнего мира стали для неё невыносимы. Она просто хотела тишины, которая лечит.

Алексей пришёл туда из любопытства, потому что внутри него никогда не было тихо. Он потерял слух, но тишина так и не наступила – её заменяли фантомные шумы. В музее они исчезали. Рядом с Евой он впервые за три года смог выдохнуть.

Они начали общаться жестами, записками, паузами... и их молчание было громче любых признаний.

Только тишина оказалась хрупкой, и однажды их общий мир дал трещину...

Это история о хрупкости покоя, о звуках, которые мы носим в себе, и о любви, которой не нужны слова.

Содержание

От автора	4
Часть первая. Глава 1. Инструкция по тишине	5

Тианна Ридак

Музей тишины

От автора

Все совпадения с реальными людьми, событиями и музеями случайны. Персонажи и их судьбы – вымысел, как и город, где происходит действие – его не найти ни на одной карте мира и ни в одном воспоминании. А вот тишина, которая стала для двоих самым громким признанием, она настоящая, она дышит между этими строками. И если вы её услышите – значит, эта книга для вас.

Приятного прочтения!

Часть первая. Глава 1.

Инструкция по тишине

Утро пахло мокрой листвой и ещё чем-то неуловимым – может быть, обещанием тишины, которая продлится весь день, если её не спугнуть. Ева вернулась с пробежки, когда город только-только начал просыпаться: первая машина прошелестела шинами по асфальту, где-то лязгнул мусорный бак. В доме напротив распахнулось окно, и старушечий голос позвал котиков завтракать: протяжно, ласково, и в кустах под окном тут же послышались мяуканье и шорох.

Еве нравилось это раннее время. В нём ещё можно было уловить остатки тишины, которую никто не замечает, потому что все спешат её нарушить.

Она отперла дверь бывшей библиотеки, в которой жила уже чуть больше месяца, и вошла в темноту, всё ещё пахнущую старой бумагой и сыростью. Ей не хотелось включать свет: электрический гул ламп мог испортить то, ради чего она затеяла всё это безумие. Входная дверь издала утробный вздох при закрытии, половицы отозвались под шагами глухо, почти человечески, и где-то в глубине здания скрипнула балка, оседая после ночной прохлады. Ева остановилась посреди огромного зала, прикрыла глаза, вдохнула и выдохнула медленно, как советовал доктор. Впервые за три месяца

тишина не сжала виски ледяным обручем. Она просто легла рядом – осторожно, почти застенчиво, как пёс, который наконец признал хозяина.

Сколько Ева так простояла, она не засекала. Время в тишине течёт иначе, она знала это давно, ещё с тех пор, как работала звукорежиссёром на телевидении и могла часами сидеть в монтажной, обрезая звуковые дорожки, склеивая паузы, вычищая шумы. Тогда тишина была материалом – послушным, мёртвым, безопасным, – и Ева не думала о ней как о чём-то живом, что может однажды проснуться внутри головы и отказаться уходить. Тишина превратилась в шум. Сначала едва заметный, как дыхание спящего рядом человека, потом стала громче, настойчивее, пока не заполнила собой всё. Ева слышала, как кровь течёт по сосудам, как бьётся сердце, как воздух проходит через гортань, и это сводило с ума. Пожилой доктор с седыми усами, который её выслушал и поставил диагноз – гиперакузия, нервное истощение, говорил коротко, без сочувствия, но именно его слова Ева запомнила навсегда:

«Тишина, голубушка, – это когда вы сами решаете, что слышать. Вы разучились. Учитесь заново». Он научил её дышать: четыре счёта вдох, шесть выдох, и этот простой ритуал держал Еву на плаву в самые тяжёлые дни... Потом она всё-таки не выдержала, уволилась, собрала вещи и уехала в маленький город, где надеялась найти тишину, которую прописал доктор.

Ева открыла глаза. Высокие окна, ещё недавно заклеенные газетами, теперь блестели от чистоты и свободно пропускали свет. Он ложился на пол широкими золотыми полосами, и в этих полосах танцевала пыль. Каждая пылинка висела отдельно, как крошечная планета в невесомости, и на это можно было смотреть бесконечно.

Пространство явно дышало. Старые библиотечные стеллажи Ева трогать не стала, только сдвинула те, что поддались, к стенам, а остальные оставила стоять, где они простояли десятилетия. Пустые полки хранили запах бумаги и времени. Один из стеллажей она перевернула на бок, и он стал длинной скамьёй. Ещё один, с выдвижными ящичками для формуляров, приспособила под хозяйство: там теперь лежали её инструменты. Кое-что она привезла с собой из Москвы, но многое уже успела докупить здесь, на барахолке. Ева любила чинить сломанное, и всё необходимое всегда было под рукой.

Стеллажи мягко делили зал на зоны, а в самом центре, где они расступались шире всего, Ева расстелила старый ковёр с восточным узором. Тёмно-красный и синий, почти стёртый до основы, он лежал теперь как большая заплатка на деревянном полу, и босые ноги чувствовали его тепло. Поверх ковра она разбросала подушки, какие удалось найти: пёстрые, с бахромой по краям, одни совсем плоские, другие взбитые, – и решила не поправлять. Пусть лежат, как легли, и пусть каждый выберет ту, что подходит именно ему.

В углу, у дальней стены, стояли два кресла, обитые тёмно-зелёным сукном. Подлокотники были протёрты, поролон торчал наружу, и Ева зашила дыры кривыми стежками, решив, что так даже лучше. Между креслами примостился низкий столик из тёмного дерева, на нём одинокая чашка, потому что второй гость мог и не прийти. На стенах висели деревянные и металлические пустые рамы, и в течение дня тени от уличного света заходили в них, жили там своей жизнью, менялись, и уползали по стенам.

По вечерам в основном зале Ева зажигала три разных торшера. Один с выцветшим зелёным абажуром, второй – с оранжевым и с кистями, из которых она вымыла многолетнюю пыль; третий – простой, на деревянной ноге, с лампочкой, что горела вполнакала и чуть заметно гудела, если прислушаться.

Кресла, рамы, ковёр, торшеры, даже столик, который какой-то старик отдал за пятьдесят рублей со словами «всё равно дети выбросят», и ещё многое другое, Еве удалось найти на блошином рынке. И каждая из вещей, как ей казалось, была создана специально для её музея. Ей вообще казалось, что у неё получается лучший музей в мире – музей, где тишина должна стать союзником и заговорить с каждым на его собственном языке.

Старое здание бывшей библиотеки, принявшее её затею, знало тишину задолго до Евы. Библиотека закрылась три года назад. Ева помнила, какой увидела её впервые – в конце

апреля, когда приехала в этот городок наугад, закрыв глаза и ткнув пальцем в карту. Москва стала слишком громкой, а ей хотелось тишины, которую невозможно приобрести в собственность, – можно только отвоевать у самой себя, сантиметр за сантиметром освобождая внутреннее пространство от накопившегося шума. Она вышла из автобуса на маленьком вокзале, где пахло пирожками и бензином, и побрела в сторону окраины, потому что там всегда тише. Библиотека стояла на углу квартала, заросшая прошлогодней сиренью, с облупившейся краской на дверях и табличкой «Закррито», которая висела криво, на одном гвозде. В этом было что-то приглашающее – как в человеке, который не ждал гостей, но был им рад. Ева подошла ближе и увидела на табличке номер телефона, нацарапанный мелкими цифрами. Она позвонила тут же, и – о чудо – на третьем гудке ей ответил старик сухим и равнодушным, как потрескавшаяся земля, голосом.

- Делайте что хотите, только тихо, – сказал он, когда Ева спросила про аренду.

А когда она уточнила, можно ли оставаться на ночь, если приведёт здание в порядок сама, старик помолчал, вздохнул и добавил:

- Живите, всё равно никому не нужно, – и назвал цену, которая оказалась меньше, чем она ожидала, и Ева поняла: он сдаёт не помещение, а память о том, что здесь когда-то было, и эта память тяжелее любой арендной платы.

Почти целый месяц она приводила здание в порядок: мы-

ла полы, чинила рамы, выносила мышинные гнёзда и смотрела, как запах сырости медленно отступает, но не уходит до конца, впитавшись в стены, – и пусть, потому что тишина тоже имеет запах, и этот запах ей подходил.

В бывшем кабинете директора она устроила себе комнату – достаточно уютную, чтобы ночевать, и достаточно пустую, чтобы ничто не отвлекало. А служебный санузел переделала под маленькую душевую. Вода там была едва тёплой, но Еву это не смущало: она давно заметила, что чем меньше удобств, тем больше свободы.

Приняв душ после пробежки, она сварила кофе в медной турке с деревянной ручкой – это была одна из немногих вещей, которую она привезла с собой из прошлой жизни. Пока кофе немного остывал, Ева отправила короткое «привет, мам, всё норм» в голосовом, выключила телефон и убрала его в ящик стола. Привычка осталась с работы: там, в монтажной, телефон отключали, чтобы не мешал, и этот ритуал прижился намертво. С мамой они всё равно созванивались каждый вечер – это было их негласное правило, и Ева не собиралась его менять. Говорила в основном мать: про соседей, про погоду, про сериалы, что с каждым годом всё хуже, – а Ева держала трубку у уха и молча кивала, иногда вставляя короткое «угу». Мама до сих пор думала, что дочь живёт в Москве, снимает квартиру где-то на окраине, в спальном районе, названия которого явно не помнила, и Ева не спешила делиться тем, что переехала – берегла мамино спо-

койствие. Из всех голосов мамин остался единственным, который она согласна была слышать снова и снова.

Она вышла на крыльцо с чашкой в руках. Табличка «Музей тишины. Вход свободный» сияла в утреннем свете своей медной теплотой. Сегодня был первый день работы – она просто отперла дверь и стала ждать. Накануне, правда, расклеила несколько листовок в соседних кварталах с объявлением об открытии. Но у входа не было ни флажков, ни ленточек, ни шампанского в пластиковых стаканчиках – только тишина внутри и табличка на двери. Кому надо – тот придёт.

Со стороны её затея вообще выглядела по меньшей мере странно: женщина тридцати восьми лет, бывший звуко-режиссёр, уволившаяся после того, что врачи назвали нервным истощением, а она сама называла войной с собственным слухом, открыла музей без единого экспоната. Она попыталась вообразить, как рассказывает об этом матери, и не смогла удержаться от усмешки. Мама работала главным бухгалтером в нескольких небольших фирмах и свято верила, что дело должно приносить доход, а музей тишины с бесплатным входом в эту картину мира решительно не вписывался. Впрочем, мама жила далеко, и ехать куда-то было не в её характере, даже если бы дочь открыла Лувр. Тем проще было ничего не объяснять.

Несмотря ни на что, первые посетители появились около полудня. Это были двое подростков, которые явно искали место, где можно сесть и уткнуться в телефоны. Ева встре-

тила их у входа и тихо произнесла правила: звук в телефоне отключить, обувь снять, говорить шёпотом или лучше вообще молчать. Подростки переглянулись, хмыкнули, но выполнили все требования. Видимо, в глазах у Евы было что-то такое, что не располагало к спорам. Она сама не знала, что именно, однако замечала это уже не в первый раз: в её взгляде, даже самом спокойном, проступало что-то, что лишало собеседника охоты пререкаться.

Подростки просидели минут пятнадцать, повозили босыми ногами по ковру, пошептались и ушли, оставив запах мятной жвачки и лёгкое разочарование – кажется, они ожидали чего-то большего. Ева проводила их взглядом и не расстроилась: её музей не для всех, и в этом была его главная ценность, хотя объяснить её словами она пока не могла. Главное, что ей самой было в нём комфортно.

Следующей пришла пожилая женщина в сером плаще. Было видно, что она следит за собой: короткая стрижка, уложенная волосок к волоску, губы чуть тронуты помадой, ногти короткие, но ухоженные. Она сняла туфли у порога, поставила ровно и прошла в зал так тихо, что её можно было принять за призрак бывшей библиотечарши, которая до сих пор ходит между стеллажами и проверяет, всё ли на месте. И только тень на стене подтверждала, что она не плод воображения.

Женщина села в кресло, сложила руки на коленях и замерла на целый час. Потом сменила позу и только через пол-

часа поднялась. Лицо её стало другим, словно тишина смыла что-то лишнее, как вода смывает пыль с давно забытой вещи. Ева поймала её взгляд и кивнула, и женщина кивнула в ответ. В этом коротком движении было больше понимания, чем в самом долгом разговоре.

До вечера больше никто не зашёл. Ева сидела на одной из плоских подушек, лежавших на ковре, поджав ноги, и слушала, как здание остывает, как потрескивают половицы, как где-то наверху голубь возится под крышей. Звук абсолютно не раздражал – он вплёлся в тишину, стал её частью, как становится частью симфонии случайный кашель в зале, если дирижёр достаточно мудр, чтобы не останавливать оркестр.

Завтра она снова откроет дверь, снова скажет правила, снова будет ждать. В этой мысли было только спокойное знание, что она делает что-то правильное. А ещё – что хорошо бы записать правила на бумаге и повесить у входа. И Ева тут же пошла в свою комнату, чтобы напечатать текст, и заодно взять телефон, ведь вечерний разговор с мамой никто не отменял.

Включив мобильный, она увидела около десятка пропущенных звонков: бывшие коллеги, кто-то из монтажной, пара незнакомых номеров – и ни одного, на который хотелось бы перезвонить. Она отложила телефон, открыла ноутбук и напечатала, как сама это назвала, «Инструкцию по тишине»: «Обувь снять.

Звук в телефоне выключить.

Говорить шёпотом или молчать».

И ниже, чуть помельче: «Тишина – это когда остаётся только то, что звучит по-настоящему».

Ева перечитала инструкцию несколько раз и вдруг поняла: последняя строчка – для неё самой. Она распечатала текст и задумалась, куда бы прикрепить лист, чтобы он был на виду. Вспомнила про старый библиотечный стенд на деревянных ножках, который ещё в первые дни нашла в подсобке, – такие раньше стояли в читальных залах. Лак хоть и облупился, а дерево потемнело, но стенд был ещё крепким, и выбросить его Ева не смогла. Она вообще не умела выбрасывать сломанное, если только вещь невозможно было никак починить.

Она пристроила стенд у входа, прямо напротив двери, чтобы каждый входящий сразу натыкался на него взглядом, и прикрепила инструкцию кнопкой. Листок висел чуть криво, но перевешивать не хотелось, потому что в этой кривизне было что-то живое, как в той старой табличке «Закррито», которую она когда-то увидела на дверях библиотеки и которая, казалось, улыбалась ей.

Покончив с делами, она ещё немного постояла на крыльце, наблюдая, как садится солнце и тени домов становятся длиннее. Потом достала телефон из заднего кармана джинсов, подержала его в ладони, вспомнила мамин спокойный, чуть уставший, но такой родной голос и тут же позвонила ей.